

Александр МЕЛЬНИК

1985

или

Полевой сезон

Александр Мельник

1985, или Полевой сезон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57127511

SelfPub; 2020

Аннотация

Отвечая на вопрос случайного австралийского знакомого, русский эмигрант Захар Сазонов признаётся, что образ его СССР – не оруэлловский «1984», а скорее 1985 год. Почему? В ответ Захар, бывший инженер-геодезист, рассказывает о драматичном и насыщенном событиями годе своей жизни. Повествование развивается на фоне года жизни страны, клонящейся к распаду. Несмотря на сошедшиеся в один узел личные и производственные неурядицы, Захар Сазонов вспоминает этот год не с осуждением, а с симпатией.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Январь	12
Февраль	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Захар Сазонов так и не доел опрометчиво заказанный стейк из кенгурятины. Он допил пиво, встал из-за столика, накрытого в глубине паба, и подошёл к стойке. Молодой бармен заканчивал обслуживать группу суетливых китайцев, снимавших друг друга разноцветными мобильниками и невесть о чём споривших. Через стеклянную входную дверь виднелся океанский лайнер высотой с десятиэтажный дом, только что пришвартовавшийся к противоположной стороне Круглого причала. По трапу один за другим сходили на берег туристы. С детским удивлением оглядываясь по сторонам, они доставали фотоаппараты, снимали друг друга на фоне корабля и направлялись вдоль бухты в сторону нависших над водой раковин сиднейской Оперы. Накрапывал дождь, но по мокрой набережной, никак не реагируя на непогоду, сновали взад-вперёд многочисленные прохожие. В пабе же было сухо и уютно, к тому же из плоского настенного телевизора звучали божественные джазовые композиции в исполнении Эллы Фицджеральд. Как жаль, что Даша застряла в зоопарке – с ней тут было бы веселее. Китайцы, продолжая галдеть, расселись за двумя сдвинутыми для них в центре паба столиками. После их ухода обнаружилось, что у стойки на высоком барном стуле сидит и потягивает пиво пожилой австралиец, держащий на согнутом колене широкополую соломен-

ную шляпу.

– Кружку «Lord Nelson» – попросил Захар бармена. – И две пачки... как это по-английски? Фисташек!

– Хорошо, сэр! Садитесь, вам принесут.

В правом ухе бармена блестело золотое кольцо. Разливая пиво, он вполголоса подпевал певице из телевизора и мечтательно улыбался. Ему было от силы лет двадцать пять. «В этом возрасте все люди улыбаются, – подумал Захар. – А я? Постой-постой... В каком году мне было четверть века? Да, пожалуй, я тоже тогда улыбался – безо всякой на то причины. По крайней мере, намного чаще, чем сейчас, в мои шестьдесят лет».

Захар обвёл взглядом переполненный посетителями паб и не спеша направился обратно. Рядом со стойкой, за маленьким круглым столиком, сидели и пили пиво три пожилые женщины-аборигенки. Одну из них, удивительно белозубую, можно было без натяжки назвать симпатичной, две другие были некрасивыми, с крупными чертами лица, но весёлыми и улыбчивыми. Белозубая аборигенка внимательно посмотрела на проходившего мимо Захара, подмигнула ему, словно старому знакомому, и быстро шепнула что-то своим подругам, после чего вся компания взорвалась от хохота. Захар вздрогнул от неожиданности, но совладал с собой и пошёл дальше. За следующим столиком сидела немолодая индийская пара. Седобородый мужчина изучал туристическую карту, а его элегантная спутница в длинном шёлковом пла-

ть, с красной точкой над переносицей, скучающе разглядывала окружающих. Встретившись глазами со взглядом Захара, она вздрогнула, будто от внезапного воспоминания, смутилась и опустила глаза. Ещё дальше, у самой стены, на непонятном языке шумела очень колоритная компания. Судя по несколько раз прозвучавшему слову «Амазонка», это были южноамериканские индейцы. Протискиваясь между их столиками, Захар случайно задел смотревшую на него с широко раскрытыми глазами миловидную смуглую низкорослую женщину лет пятидесяти. После его сбивчивого извинения она густо покраснела и закрыла лицо пивной кружкой. Все эти направленные на него с разных сторон женские взгляды создавали ощущение стойкого дежавю. В памяти что-то медленно зашевелилось, некая бесформенная пелена тщетно попыталась выкристаллизироваться в отчётливое изображение, но для успеха не хватало небольшого толчка.

Когда Захар, на минуту задержавшись перед стоявшей в центре паба деревянной моделью парусника, вернулся к своему столу, пиво с фисташками было уже подано. Круглые настенные часы показывали пять часов вечера. Даша строго-настрого наказала ждать до упора – хоть до шести, хоть до семи. На конец дня они запланировали теплоходную поездку в пригородный район Мэнли. Хотелось побродить по пустому песчаному пляжу, посмотреть на океан в закатных лучах солнца, полюбоваться живописными видами, да и просто побыть вдвоём, вдали от толпы. Захар достал мобильник

и углубился в изучение расписания отправления паромов.

– Не помешаю? – раздались над его головой русские слова, произнесённые с сильным английским прононсом.

У столика с пивной кружкой в руке стоял австралиец с золотистой шляпой, залихватски перекинутой за спину. Он выжидающе смотрел на Захара.

– Нисколько! – ответил тот по-русски. – Присаживайтесь. Изучаете русский язык?

– Да нет. В этом нет нужды – я сам русский. Точнее – австралийский русский. Или, если хотите, русский австралиец. А я ведь сразу вас вычислил, по акценту. Вы не очень-то сильны в английском!

Это была сущая правда, хотя и немного обидная. Захар добродушно улыбнулся:

– Редко приходится говорить по-английски... Поэтому даже простейшие слова забываются. Там, где я живу, говорят по-французски. Да вы присаживайтесь!

– А где вы живёте, если не секрет? – поинтересовался мужчина. Его акцент был чудовищным, но он тщательно выговаривал каждое слово, поэтому их смысл был понятен.

– В Швейцарии. Мы с женой уже двадцать лет там живём. Эмигранты со стажем... Приехали из Сибири. А вы?

– Возможно, вас это удивит, – ответил австралиец, отхлебнув пива, – но я действительно русский. По крайней мере, по происхождению. Дедушка и бабушка жили в Харбине. В

сорок пятом году деда арестовали и увезли в СССР сотрудники НКВД – с тех пор его больше никто из наших не видел. Бабушку не тронули, она каким-то чудом уехала с шестнадцатилетней дочерью в Пекин, год там работала, накопила денег на дорогу, а потом перебралась в Австралию. Сначала жила в Мельбурне, чуть позже обосновалась в Сиднее. Она давно уже умерла. Её дочь вышла замуж и вскоре стала моей мамой. Вы можете меня понимать только потому, что мама всю жизнь преподавала русский язык. О, как она мучила меня этим невозможным языком! Я просто обязан был каждый день говорить с ней по-русски. Сделать сына русским – это была её идея фикс, несмотря на то, что с отцом все мы говорим по-английски. Сейчас маме уже за девяносто... Кто мой отец? Вообще-то английский – не родной его язык. Он голландец! Так что вы живёте не так уж далеко от родины моего отца. Да, меня зовут Майкл. Хотя для мамы я до сих пор Миша.

– Захар. Очень приятно!

Они пожали друг другу руки. Народу в пабе заметно прибавилось. По оконным стёклам застучали крупные капли дождя, но Захар по недельному опыту знал, что через несколько минут небо будет ясным, как девичьи глаза. К тому же сиднейский зоопарк покрыт стеклянной крышей, поэтому беспокоиться за Дашу незачем.

Майкл медленно тянул пиво, обдумывая мучившую его

мысль. Обветренное лицо австралийца не выражало никаких эмоций, но глаза выдавали его внутреннее напряжение. Наконец он снова заговорил:

– Простите ради бога... Можете не отвечать, если это вам неприятно. Знаете – я до сих пор ненавижу Советский Союз. Даже нынешнюю Россию не могу простить за то, что она не открестилась от советских грехов. Понимаю, что мой дед был всего лишь маленьким винтиком. Но это был мой дедушка, и его убили свои же, русские. За то, что он, бывший белый, не любил красных. Так и я их не люблю. Не-на-вижу! Хоть убейте меня за это!

– В наше время в России у власти далеко не красные, – возразил Захар.

– Ну и что с того! – повысил голос Майкл, отодвинув от себя кружку с пивом. – Всё равно это большевики. Не в классовом понимании, а по сути. Им так же дела нет до народа. Жил бы дед сегодня в России, его бы наверняка убили. Потому что он никогда не подпевал властям. Но ведь вы, Захар, эмигрант с большим стажем. Двадцать лет за границей? Не спрашиваю о нынешней России, но Советский Союз... Судя по возрасту, вы знаете не понаслышке, что такое СССР. Правда ли, что это было похоже на оруэлловский «1984»?

Захар сначала весело рассмеялся, потом почесал большим и указательным пальцами щетинистый подбородок и надолго задумался. Его жизнь можно было разделить на три временных отрезка. Тридцать первых лет пришлось на совет-

ские годы, около десяти лет были прожиты в новой России и двадцать – в Швейцарии. Детство и студенчество в расчёт можно не брать – тогда было не до государства. А вот жизнь после окончания института, годы, прожитые в Забайкалье – да, всё было сложно и противоречиво. Причём сразу не скажешь, когда жилось тяжелее – до или после распада СССР. По большому счёту, любить Советский Союз Захару было не за что. За бесплатное высшее образование? Но оно во все не было бесплатным. За него расплатились родители – бедностью, тяжёлой работой и скудным бытом. За право на труд? Гм... Предложи нынешнему швейцарцу такую гарантированную, но малооплачиваемую работу, он скорее потребует пособие по безработице, чем согласится. За сменивших одну за другой трёх жён? За сына? А причём тут Советский Союз? Хотя... Ему вдруг вспомнился суматошный 1985-й год, когда вместе со второй женой Юлей он работал геодезистом в Амурской области. Полный хаос, бестолковщина, приборы не работают, работа стоит... но ведь именно там и тогда был зачат их единственный сын! А Даша? Не появился в том году в его жизни начальник партии Петрович, он бы, возможно, и не обратил на неё внимания десять лет спустя, в суматохе сменявших друг друга претенденток на должность оператора ЭВМ в его фирме.

– Оруэлл всё написал правильно, – решительно произнёс Захар. – Но из этого советского шурум-бурума вышли и я сам, и моя жена. Благодаря ему или вопреки – это, конечно,

большой вопрос. Кстати, через час она должна сюда подойти. Поехала в зоопарк, а я там уже был. Пришлось ненадолго расстаться. Между прочим, скоро мы празднуем серебряную свадьбу. Не поверите, но первые флюиды нашего будущего счастья витали в воздухе уже в 85-м году, хотя Даше было лишь тринадцать лет, и мы даже не подозревали о существовании друг друга. Нет, образ моего СССР – это не «1984». Скорее, 1985-й! Это был, может быть, самый тяжёлый год в моей жизни. Прямо-таки театра абсурда. Но ведь тогда всё и началось! Я просто заново родился, как-то разом повзрослел, стал другим человеком. Даже в науку из геодезии ушёл в том же году. А без этого не было бы и защищённой в Швейцарии диссертации. Не было бы самой эмиграции. Да и сам я был бы другим, совсем не похожим на того, который сидит сейчас перед вами.

– Гм... – Майкл сделал глоток из кружки. – Вы хотите убедить меня в том, что без СССР все мы жили бы в пещерах?

– Вовсе нет, – возразил Захар. – Мне не за что любить Советский Союз. Но я слишком люблю свою жену. Тут ведь всё взаимосвязанно. И потом, я имею в виду не все советские годы, а всего лишь один год из жизни молодого совка, которым я тогда был. Могу рассказать, если хотите. Вы не торопитесь?

Январь

Радиоточка на кухне с такой мощью заиграла гимн СССР, что техник Айдар вскочил, как ужаленный, сел на кровать и, не успев толком продрать глаза, начал шарить рукой в поисках брюк. В темноте одеваться было несподручно.

– Мужики! – закричал он заполошно, – Подъём! На работу! Захар, включи свет!

– Ты что, очумел? – откликнулся с другой кровати Захар Сазонов, молодой инженер-геодезист, приехавший в Улан-Удэ два года назад из Москвы. – Сегодня же Новый год! Ложись обратно!

В соседней комнате тоже заворочались, застонали, зашумели. Послышалось звяканье пустых бутылок, а потом раздался истошный женский крик:

– Да выключите наконец эту хрень!

В первый день нового года вставать в шесть утра никто не хотел. После гимна начались утренние новости. Голос диктора уверенно и беспощадно проникал во все закутки двухкомнатного экспедиционного общежития: «Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Черненко... Сила нашей партии – в её единстве и верности марксизму-ленинизму...».

«Кухонный брехунец» стоял на холодильнике рядом с открытой дверью во вторую, смежную комнату. Захар натянул байковое одеяло на голову и для большего эффекта прижал к

уху ладонь правой руки. Очень хотелось спать – он лёг всего лишь три часа назад. Вдруг послышался звук глухого удара, после чего диктор умолк. Зато за стеной грянул хохот.

– Танюха, иди в снайперы! Мужики, Танька радио своим валенком укокошила!

Общежитие было сугубо мужским. В соседней комнате жили двое техников – уроженец Читинской области, опытный маркшейдер лет тридцати Фёдор Толстихин и родившийся в Бурятии, молодой и меланхоличный топограф Игорь Зябликов. «Опять, черти, кого-то привели!», – подумал Захар сквозь начавший было накатывать сон. Но заснуть не удалось. На кухне включился свет. Дверь со скрипом растворилась и в комнату заглянула бывалого вида женщина в телогрейке, наброшенной на голое тело.

– Эй, пацаны! У вас спичек нет? – прохрипела она.

– Какие нах спички, вали отсюда! – рявкнул со своей кровати резкий и раздражительный Айдар.

«Где они её откопали? – подумал Захар. – Вчера вроде никаких баб не было». Он повернулся на другой бок, но тут захотелось в туалет. Водку Захар почти не пил. Во время новогодней гулянки он больше нажимал на дефицитное закаменское пиво, привезённое в продмаг по случаю Нового года. За ним постоянно охотились истинные ценители. После кислото-улан-удэнского привозное пиво казалось нектаром богов. Местное покупали только, если в продаже не было закамен-

ского или кяхтинского. Почему оно быстро скисало, никто толком не знал, но судачили о плохой пастеризации.

Захар оделся, махнул на кухне мужикам, пившим из трёхлитровой банки огуречный рассол, вышел в сени и толкнул незапертую входную дверь. Его тут же обдало обжигающим сорокаградусным морозом.

Покосившийся деревянный туалет сиротливо возвышался в глубине двора. Из тёмного очка сталагмитами поднимались замёрзшие фекалии. Стараясь не смотреть перед собой, Захар с наслаждением отлил и выскочил на свежий воздух.

Уставшая от праздничных возлияний, Шишковка ещё спала. Небо было затянуто молочной пеленой, из которой сыпала мелкая крупка, лишь отдалённо похожая на снег. Свет не горел ни в стоявших поодаль двухэтажных сталинках, прятавших в себе экспедиционный цех камеральных работ и лакомое женское общежитие, ни в соседней обшарпанной пятиэтажке, ни в родном одноэтажном бараке, построенном во времена царя Гороха из того же лесоматериала, что и туалет. Этот посёлок, расположившийся на склоне Лысой горы, недалеко от старого кладбища, на самом деле был одним из улан-удэнских микрорайонов. Шишек здесь и в самом деле хватало. Они валялись на мёрзлой земле, скапливались у корневищ одиноких сосен – последних реликтов росшего тут до войны соснового бора.

Захар вышел за ворота, закурил «Стюардессу» и несколь-

ко минут простоял, отрешённо глядя на пустынную улочку, сбегавшую вниз по склону давно застроенной сопки. После московских масштабов привыкнуть к провинциальной жизни было нелегко, но за два с лишним года эти бараки и сопки стали казаться ему родными. Человек привыкает ко всему, кроме одиночества. Докурив и выбросив окурок на дорогу, он вздохнул, вернулся во двор и поднялся в дом по крутым обледеневшим ступенькам. Света на кухне уже не было. Он разулся и на цыпочках подошёл к незапертой двери дальней комнаты. Зыбкий свет прорвавшейся сквозь снежную пелену луны осветил Фёдора и Танюху, слипшимися «ложками» спавших в прогнувшейся под ними металлической кровати. Игорь сидел у окна, смотрел на луну и обдумывал какую-то мучившую его мысль. Казалось, он вот-вот откроет рот, вытянет трубочкой губы и протяжно завоет. «А ведь мы ставни на ночь не закрыли!», – подумал Захар. Возвращаться на мороз не хотелось. Он вернулся в свою комнату, разделся и лёг в не успевшую остыть кровать.

От чугунной батареи исходило приятное тепло, но сон никак не шёл. Вспоминались заснеженные Чистые пруды, родной геодезический институт и хорошенькая шатенка Лариса, безумно влюблённая в него, провинциального длинноволового пятикурсника. Их быстротечный роман с ежевечерними свиданиями у театра «Современник» скоропостижно завершился не потому, что она была коренной москвичкой, а ему

на последних курсах института мечталось о дальних странствиях. Все их встречи, неторопливые прогулки по забытым богом столичным уголкам, бесконечные разговоры о смысле жизни и затяжные поцелуи так и не смогли разбудить у него хоть что-то, напоминающее страстную любовь, а обманывать Ларису суррогатом он не хотел. Кроме того, ему претили намёки приятелей на благие перспективы брака с москвичкой. После их разрыва она чуть не покончила с собой.

Затем в голове один за другим прокрутились два полевых сезона, прожитых им на северном Байкале. Том самом Байкале, ради которого он и попал в Сибирь. Захар с первых же дней был ошеломлён первобытной красотой знаменитого озера и его диких скалистых утёсов, неожиданной радостью общения с непростыми, но интересными сибиряками, а ещё больше – полной приключений полевой жизнью. Всё это мелькало сейчас, как на экране, и напрочь отгоняло сон. Ему доводилось проваливаться под лёд, тащить за собой тяжело нагруженные нарты, часами стоять у теодолита, блуждать в тайге, охотиться на медведя, управлять катером, измерять эхолотом байкальское дно, высаживаться в шторм на обрывистый берег... Это была его стихия, его работа, его судьба. Но стоило ему вспомнить о бывшей жене, сумасбродной красавице Алине Саломатовой, как полевые передряги отошли на второй план. Строго говоря, она и сейчас оставалась его женой, но только формально, на бумаге, в пылившемся на полке свидетельстве о браке.

Они поженились весной прошлого года, буквально через месяц после того, как двадцатилетняя Алина в отсутствие мамы под каким-то выдуманном предлогом заманила его к себе домой, где он, не успев ничего понять, сразу же очутился в её девичьей постели. Замыслы молодой и энергичной девушки были непонятными, а её поведение – непредсказуемым. Ещё до свадьбы, в конце зимы, Захара назначили начальником партии. Озабоченный свалившимися на него производственными проблемами, он пустил личную жизнь на самотёк. Предприимчивая и влиятельная мама сделала единственной дочери сюрприз – подарила ей кооперативную двухкомнатную квартиру с телефоном. Они переехали в неё сразу после свадьбы, но практически там не жили. Большую часть времени Захар проводил в поле, на северо-восточном берегу озера, где две его бригады занимались сначала прибрежными геодезическими работами, а потом эхолотными промерами байкальского шельфа. Когда он на неделю-другую возвращался в город и звонил в закрытую дверь, жены чаще всего дома не было. Ключ же он в поле не брал, чтобы ненароком его не потерять. Часы, проведённые на лестничной площадке, очень поспособствовали его скорому просветлению. Алина обвиняла мужа в том, что он любит Байкал больше, чем её. Оправдываться было бесполезно, тем более что так оно и было. У них почти не было физической близости, потому что жена, чувствуя хрупкость их отношений, боялась забеременеть. Нет, она не изменяла ему, просто про-

должала жить привычной девичьей жизнью, ездила по старым подругам, много времени проводила у мамы. Осенью, после окончания очень трудного полевого сезона, они три часа подряд выясняли отношения, после чего Захар, устав от роли Цицерона, хлопнул дверью и уехал в своё старое общежитие. Он хотел подать на развод, но Алина опять куда-то пропала. Несмотря на то, что после всего пережитого она стала ему казаться всего лишь большеглазой капризной куклой, он, не признаваясь в этом самому себе, продолжал её любить. Но ненавидел он её ещё больше.

Ворочаясь с боку на бок, Захар забывал о том, что ему всего лишь двадцать пять лет. После двух насыщенных событиями полевых сезонов и давшей крен семейной жизни он ощущал себя если не умудрённым жизнью старцем, то во всяком случае зрелым мужчиной. «Ах, Алина-Алина – повторял он про себя, – ну почему же ты оказалась такой дурой?». Сморивший его сон не блистал оригинальностью. Конечно же, ему снилась обольстительная и недоступная молодая жена.

Часа через три он проснулся из-за топота ног. Все его собратья по общежитию давно уже встали и теперь носились взад-вперёд по кухне в поисках съестного. За окнами было белым-бело из-за свежевыпавшего снега. Накинув халат и войдя на кухню, Захар поморщился – там столбом стоял

табачный дым. Он не был заядлым курильщиком, сигареты всего лишь помогали ему справляться со стрессом. Радиоточка по-прежнему валялась на полу. Одетая и умытая Татьяна выглядела уставшей от жизни голливудской звездой. Улучив момент, Захар шепнул Феде:

– Где ты всё-таки её раскопал?

Фёдор любил прихвастнуть своим богатым жизненным опытом. Быстро взглянув на Татьяну, он подмигнул ей и скабрёзно засмеялся:

– Нам этого добра, Захарушка, искать не нужно. Оно само нас находит! Учись, пионер. Вот скажи мне, мил-человек, закрыл ли ты после нашего сабантуя внешнюю дверь, когда мы по комнатам разошлись? Ты ведь последний на кухне оставался. Нет? То-то и оно! Барышня эта живёт во-он в той пятиэтажке, про общагу нашу знает с детства. Как только у неё по пьяни в одном месте защекотало, так она к нам и пришла. Дверь-то не заперта, да и ставни открыты. Заходи, не хочу. Прямо в валенках ввалилась в нашу комнату, разделась и в первую же попавшуюся кровать плюхнулась. В кровати был я, а мог бы оказаться Игорь. Или ты.

От этой перспективы Захара передёрнуло. Он промолчал и подошёл к столу пить чай с найденными в шкафу сушками. После встречи Нового года напрасно надрывавшийся холодильник был совершенно пустым.

Заморив червячка, он решил съездить в центр города.

Захотелось чуток освежиться, а заодно и прикупить чего-нибудь съестного. Ближайший продовольственный магазин был закрыт из-за праздника. Шишковские улицы ещё пустовали. По дороге, спускаясь к трамвайной остановке, ему попались лишь шумная собачья свадьба да двое ребятшек, катавшихся на санках. В промороженном трамвае с заиндевевшими стёклами почти не было пассажиров. Несмотря на это, водитель-новичок пунктуально объявлял все остановки – улица Сенчихина, универмаг «Юбилейный», Элеватор... На площади Советов Захар вышел. В лицо ему дунул сильный ветер. В овчинном кожухе и купленной на барахолке шапке из собачьего меха холод почти не ощущался. «Сибиряк – не тот, кто не мёрзнет, а тот, кто тепло одевается» – привычно мелькнула старая присказка. Он заехал сюда из-за вспомнившейся студенческой традиции собираться первого января на Красной площади, у Лобного места. Сокурсник Боря называл те сборища «встречами у лобка».

Рядом с остановкой, у газетного киоска, оживлённо и матерно разговаривали русский парень, по виду типичный пэтэушник, и светившаяся восточным шармом девушка-метиска. Чуть поодаль тесным кругом стояли подвыпившие подростки. Они курили, поминутно сплёвывали на тротуар и громко смеялись. Захар свернул за угол, прошёл мимо кинотеатра «Прогресс» с висевшим на фасаде плакатом «Народ и партия едины!», пересёк безлюдную площадь Советов и приблизился к стоявшей на высоком гранитном постаменте

огромной голове Ленина. «Написано ли в книге Гинесса, – подумал он, – что это самая большая в мире скульптурная голова Ленина?». Вождь с лёгким бурятским прищуром смотрел в коммунистическое будущее, не замечая огромной снеговой тучи, нависшей то ли над городом, то ли над всем его детищем – Советским Союзом. Ни сам Захар, ни его друзья почти ничего не знали и знать не хотели о тучах, ходивших над СССР. Простые люди жили, не задумываясь о будущем страны. Многие не затрудняли себя мыслями и о настоящем. Главное – соблюдать неписанные правила, чтобы тебя никто не трогал. «Овощи...» – говорил о таких Захар, но на самом деле и сам он жил так же. Несмотря на смерти Брежнева и Андропова, на немощность престарелого Черненко, установившийся уклад казался незыблемым и вечным. К старым генсекам давно привыкли, как свыклись и приспособились к единственной непогрешимой компартии, мизерным зарплатам и полупустым магазинам.

Резким порывом ветра с макушки Ленина сдуло снежную шапку. Снежинки, поблёскивая в свете бившего от земли прожектора, медленно посыпались на Захара. Он словно очнулся, сбросил минутное оцепенение и, сказав про себя: «Две трамвайные остановки для полевика-геодезиста – не расстояние», направился пешком в сторону универмага «Юбилейный». И сам универмаг, и соседний продовольственный магазин были ожидаемо закрыты, но у входа в «Юбилейный» перебирала из-за холода ногами немолодая

женщина-бурятка с огромной алюминиевой кастрюлей, стоявшей на перевёрнутом деревянном ящике. Судя по всему, женщина только что там появилась. Со всех сторон к ней торопливо подходили прохожие, некоторые издали кричали: «Что дают?». В кастрюле лежали невесть кем пожаренные, но аппетитные увесистые чебуреки. «Чудеса ещё встречаются», – подумал Захар, и быстро встал в мгновенно образовавшуюся очередь. Горка чебуреков таяла на глазах, но ему повезло. Расплатившись за десять штук, он положил их в полиэтиленовый пакет и повернул было к трамвайной остановке, но тут же остановился, услышав за собой знакомый голос:

– Какие люди в Голливуде!

Рядом с ним, добродушно улыбаясь, стоял его бывший рабочий Никита Уваров, молодой рыжебородый улан-удэнец со сложной судьбой, не помешавшей ему прослыть отъявленным весельчаком и балагуром. Они вместе, два сезона подряд, проработали на Байкале.

– Привет, Никита! Ты-то что здесь потерял?

– Паря, да ты каво, моя? Забыл, что я живу рядом с «Юбилейным»?

– Точно! А чо голоуший ходишь? Где твоя шапка? У тебя пар из ушей идёт!

– Захар, только не начинай учить меня уму разуму. Я всё-таки старше тебя на целый год! Сняли добрые люди в новогоднюю ночь. Вышел из дома, сел на лавочку покурить и прикорнул маленько. Проснулся – шапки нет.

Они вместе пошли к трамвайной остановке.

– Ну, что там нового в экспедиции? – поинтересовался Никита. Он был сезонным рабочим, но знал многих шоферов, вездеходчиков, техников и инженеров.

– Да всё как обычно. Камеральные работы... Я, возможно, в партию Петровича перейду. Говорят, в Амурской области будет новый объект. А ты? Как ты-то сам?

Никита улыбнулся ещё шире.

– Захарка, не поверишь. Женюсь! Надоело по бабам шастать. Уже два раза от триппера лечился. Придёшь на свадьбу? Официально приглашаю. В феврале!

– Конечно, приду! А кто твоя пассия? Вы давно знакомы?

– Три недели. Ну что ты на меня уставился? Сказал – надоела холостяцкая жизнь. А девушка хорошая, из района. Она к дяде приехала, моему соседу, а он умотал куда-то. Ночь на дворе, стоит на лестничной площадке, плачет... Я её и приютил. Вон твой трамвай идёт. Ну, давай, дорогой. Приглашение вышлю!

У Никиты был большой козырь в борьбе за женскую ласку – собственная однокомнатная квартира, доставшаяся ему после смерти матери.

Двухэтажное здание топографо-геодезической экспедиции, в которой работал Захар Сазонов, располагалось в другом конце города, в глухом переулке с романтическим названием Тупик суконной фабрики. С детства будоражившее

воображение слово «экспедиция» означало именно название конторы, а не дальние странствия и работу вдали от дома. Последнее геодезисты и топографы заменяли коротким, но ёмким словом «поле». Весь январь Захар занимался рисовкой рельефа для будущих карт байкальского дна. От бесконечных горизонталей, которые надо было намечать и вырисовывать карандашом на квадратных белых планшетах, рябило в глазах. Особенно тяжело приходилось после обеда – монотонная работа быстро клонила ко сну. Камералка для полевика – межсезонье, вынужденный перекур между полями. Хочешь не хочешь, а результаты полевых измерений надо обработать, сдать в отдел технического контроля и использовать дальше по технологической цепочке. Но в воздухе уже витали разговоры о новом сезоне.

Предчувствия Захара не обманули. Вскоре его перевели из «байкальской» в другую партию, начальником которой был опытный полевик, сорокалетний Сергей Устюжанин. Все работники экспедиции, за исключением руководства, звали его только по отчеству – Петрович. Из-за любимой присказки к нему также приклеилась кличка «Ясен пень». Немногословного, делового и рассудительного Петровича ценило начальство и уважали коллеги. Попасть в его партию считалось большой удачей. В первый свой сезон, на Байкале, Захар был простым исполнителем, во второй сезон его самого назначили начальником партии. Но ему не хватало жизненного и производственного опыта, поэтому ещё

в декабре он сам попросился в отставку. В этом году появилась возможность снова проявить свои инженерные таланты в одной из бригад партии Устюжанина. Ларчик открывался просто. Его, морского геодезиста, перевели к Петровичу для выполнения топографической съёмки дна Зейского водохранилища, расположенного в далёкой Амурской области.

Захар мечтал одновременно и о новых таёжных впечатлениях, и о спокойной семейной жизни, не замечая, что эти две мечты противоречат друг другу. Фёдор, с которым он поделился однажды своими мыслями, съязвил:

– Ты, Захарка, хочешь совместить полевую жизнь с половой. Так не бывает! Надо выбирать.

В пятницу после работы большинство сотрудников экспедиции собралось в актовом зале. Общество «Знание» организовало встречу с двумя холёными и хорошо одетыми женщинами, только что вернувшимися из поездки в США. Кто и зачем их туда отправлял – никто не знал, но все догадывались. Люди понимали, что «Знание» говорит лишь то, что одобрено партией, но всё равно было любопытно. Само слово «Америка» уже интриговало. Лекторши по очереди несли дежурную чушь о классовой борьбе и антиправительственных митингах американских трудящихся.

– Двухминутка ненависти, – шепнул Захару интеллигентного вида бородатый радист, сидевший рядом с ним. – Чи-

тал?

– Нет. А что это?

– Оруэлл. «1984».

Одна из женщин, выглядевшая помоложе, решилась поделиться впечатлениями от поездки к фермеру, с какого-то перепугу ставшему активистом левого движения. Её поразили невероятных размеров, чистые и упитанные свиньи в его свинарнике.

– Ростом с нашего телёнка! – всплеснула она руками.

– А люди-то как там живут? – не удержалась пожилая уборщица Маруся.

– Люди? – замялась лекторша. – Люди выживают!

Февраль

В просторной будке грузовика, приспособленного для перевозки людей, ехали, оживлённо переговариваясь, человек двадцать работников экспедиции. После работы машина развозила их по домам. Одни выходили у ведомственной пятиэтажки на Саянах, другие – в районе Элеватора, третьи ехали до самого конца, до общежития на Шишковке. Машина отправлялась от самого порога родной конторы. Добираться на ней было намного быстрее, чем ехать с пересадками на переполненном общественном транспорте.

Возвращался домой и Захар Сазонов. Он чувствовал себя совершенно разбитым – не столько от напряжённого рабочего дня, сколько от бессонной ночи. Сосед по общежитию Фёдор Толстихин совсем сошёл с тормозов – пил, не просыхая, уже вторую неделю. Вчера вечером к нему пришла Танюха, на удивление трезвая и из-за этого похорошевшая. Ни Игоря, ни Айдара дома не было. На скорую руку пожарили яичницу с колбасой и сели ужинать. Слово за слово, рюмка за рюмкой... и всё бы ничего, если бы Танюху быстро не развезло. Она придвинула стул поближе к Захару, по-своему положила руку на его колено и начала приставать с идиотской просьбой – рассказать по секрету, насколько опытной в постели была его жена. Пришлось послать её к чёрту, встать, пожелать всем спокойной ночи и запереться в своей

комнате. Но спать почти не пришлось – из кухни ещё долго доносились то отборная ругань Фёдора, то громкий визг Татьяны. Потом всё стихло, но через час-другой в соседней комнате началось нечто невообразимое. Сначала ритмично закрипела кровать, потом по комнате заходили, затопали, поднялся шум, а в стену полетели тяжёлые предметы. При этом Танюха так истошно кричала, что Захару пришлось выскакивать и успокаивать разбушевавшегося Фёдора.

Теперь же, прислонившись спиной к переднему борту машины и нахлобучив на глаза собачью шапку, он вслушивался в ровный гул мотора и пытался привести в порядок разбежавшиеся мысли. Рядом с ним две немолодые женщины вполголоса обсуждали замершую очередь на жильё. На другой лавке бывалые вездеходчики рассказывали анекдоты про Брежнева, то и дело взрываясь заразительным хохотом. Остальные пассажиры дремали.

Глядя со стороны на ушедшего в себя Захара, трудно было вообразить, что внутри у него всё клокочет. Копаться в себе он привык давно – если не с детства, то с первых студенческих лет. Это был бесконечный процесс познания себя и своего места в мире. Едва в его голове складывалась более или менее цельная картина, как тут же новая мысль, новый взгляд на старую мысль или новое эмоциональное переживание вдребезги её разрушали. Потеряв внутренний мир с самим собой, он из обломков разбитой картины составлял но-

вую, более объективную. Излишек интеллекта сильно мешал Захару в повседневной жизни. У него было гораздо меньше друзей, чем у многих его сверстников. Но эта инстинктивная избирательность часто давала осечку в отношениях с хорошенькими девушками. Принцип «чем умнее, тем избирательнее», справедливый для общения с мужчинами, с женщинами не срабатывал и перерождался в диагноз «чем умнее, тем глупее».

В его памяти снова, день за днём и месяц за месяцем, всплыли годы, прожитые в Забайкалье. Хотелось разобраться в прожитом, понять, что к чему, отделить мух от котлет. Но сделать это не удавалось, потому что он постоянно скачивался на одну и ту же мысль – кто виноват в его семейном фиаско и как разрубить этот гордиев узел. Скоропостижный брак и неожиданный разрыв с Алиной, показавшей спрятанные за подкрашенными губками острые зубы, нарушили все его умозрительные конструкции. Возвращение в суровую, как правда жизни, мужскую общагу тоже не добавляло оптимизма.

Проблема была не только в Алине. Захара давно уже занимала мысль о фантастической нелепости, иррациональности окружавшего его советского бытия, о всё большей и большей недоступности ещё вчера казавшегося близким идеала «нормальной жизни». Закутавшись в тулуп и закрыв глаза, он в который раз взялся описывать и уточнять для себя этот размытый идеал. Первым делом в голову почему-то пришла

высмеиваемая в «Крокодиле» и «Фитиле», называемая мешанской, а на самом деле естественная человеческая мечта о собственной благоустроенной квартире с обстановкой, машине и даче. Допустим, о машине и даче он никогда всерьёз не думал – не до этого, да и всему своё время. Но отдельное жильё требовалось позарез. Как-то раз Захар прочитал в газете «Труд» заметку о том, что по закону молодые специалисты в первую очередь должны обеспечиваться квартирами. Председатель профкома, которому он показал статью, посоветовал сходить с этой газетой в туалет.

Что там ещё? Понятно, что «нормальная жизнь» невозможна без интересной работы, желательно по образованию, по специальности. С этим проблем вроде бы нет. Хотя тоже как сказать... Если бы всё на работе зависело от его знаний! Взять хотя бы прошлый полевой сезон. Тогда дело не заладилось из-за маломощного советского эхолота, который годился разве что для измерения глубины дворовой лужи, но никак не Байкала. Вдобавок под конец сезона пьяный капитан умудрился продырявить о прибрежные камни экспедиционный гидрографический катер. А на лодку эхолот не поставишь. Ему, новоиспечённому начальнику партии, пришлось рыскать по всему побережью в поисках хоть какого-нибудь завалящего судёнышка. Так ничего и не нашли, а в результате произошло самое страшное – не выполнили годовой производственный план!

Для «нормальной жизни» нужны и деньги, куда без них?

Ежу понятно, что работа должна быть не только интересной, но и хорошо оплачиваемой. А с этим большие проблемы. В поле ещё ничего, там сдельная система оплаты, от весны до осени кое-что набегает. Хотя... в отпуск домой слетал, и всё куда-то рассосалось. Зимой же полная задница – посиди-ка на повремёнке! Со ста двадцатью рублями в месяц не так-то просто свести концы с концами. Одежду и обувь в магазине не найдёшь, на барахолке дерут втридорога. А магнитофон? А проигрыватель? А, пардон, в ресторан сходить? В монахи он не записывался. Ну да бог с ними, с деньгами. Что там ещё нужно для полного счастья? Любимая женщина, семья, дети... О детях пока промолчим, не до них, а вот с семьёй пробовали – не получилось! И опять в голове засверлила та же мысль – как ни крути, а для достойной жизни нужен свой угол. «Но ведь можно самореализоваться и в общежитии?» – неуверенно пискнул внутренний голос, на что вся его натура тут же возмущённо зарычала: «В общежитии рассчитывать на духовную жизнь просто смешно. Там дай бог просто выжить!».

Вспомнился сосед по комнате, казах Айдар. На первый взгляд, неплохой парень – хоть и косит под Джеки Чана, но толковый топограф, книжки о буддизме читает... Вот только дёрганный какой-то, закомплексованный, неадекватный. В прошлое воскресенье, едва за окном начало светать, заявил ни с того ни с сего:

– Захар, пойдём бурят бить?

Каких бурят, за что их бить, и тебе ли, казаху, этим за-

ниматься? Так ведь нет, не послушался, хотя был совершенно трезвый. Знать, давно решил. Буркнул что-то едкое, наспех оделся и пошёл на трамвайную остановку. В городе обошёл своих корешей, нашёл нескольких земляков, и вечером немалой толпой заявили в ближайший молодёжный бар. Там для отвода глаз взяли по коктейлю, а потом одну за другой распили несколько бутылок водки. Довели себя до кондиции и во время перекура в коридоре затеяли-таки драку с одним, тоже подвыпившим, бурятом. Но сколько в Бурятии казахов, а сколько бурят! За пострадавшего земляка тут же заступились свои, причём не только буряты, но и русские. В один момент собралась толпа и началась грандиозная война миров. В конце концов кенты Айдара сумели вырваться и под всеобщее улюлюканье позорно убежали, а его самого избили так, что администрации бара пришлось вызывать скорую. До сих пор лежит, бедолага, в республиканской больнице со сломанным ребром.

А с флегматичным Зябликовым приключилась другая история. Когда Фёдор на две недели уехал в командировку в родную Читинскую область, Игорь привёл после работы из какого-то злачного места молоденькую русскую девчонку и целую ночь с ней прокуролесил. Та вовсе не дорожила своей невинностью, скорее наоборот. Без году неделя, совсем подросток, но себе на уме. Через неделю она сама пришла к нему и осталась уже на все выходные. Они пили на кухне и запи-

рались у Игоря, снова пили и снова уединялись – нисколько не стесняясь Захара, закрывшегося в своей комнате. В воскресенье вечером утомившийся от двухдневной камасутры Игорь проводил её до трамвайной остановки, думая, что навсегда, но у шагавшей рядом пигалицы были другие планы. Через несколько дней вечером на чёрной «Волге» приехал её отец, оказавшийся инструктором горкома КПСС. Он полчаса кричал на всю общагу, что девочке всего шестнадцать лет и что он посадит Игоря за соращение малолетних, если тот не женится на ней или не возместит моральные убытки. Перепуганный Игорь согласно кивал головой, а на следующий день выпросил в отделе кадров отпуск без содержания и тут же уехал на автобусе к родителям в Гусиноозёрск – переждать грозу.

Машина замедлила ход и в последний раз остановилась. Шофёр вышел из кабины, постучал кулаком по борту и громко крикнул:

– Шишковка! Выходи по одному!

Захар ступил на землю последним. Он размял ноги, закурил и нерешительно покосился на двухэтажную белую сталинку. Это было женское общежитие цеха камеральных работ, куда его не раз звали на чай знакомые девчонки. Однако здравый смысл возобладал, он отвернулся от ярко освещённого окна и по узкой улочке пошёл вверх по склону, в сторону своей холостяцкой казармы. На кухне сиротливо го-

рела тусклая лампочка. Фёдор, одетый и в сапогах, спал у себя перед включенным телевизором. Захар быстро сварил сосиски с макаронами, вскипятил чай и, наскоро поужинав, уединился в своей комнате. Ему не терпелось дочитать «Записки из Мёртвого дома». Достоевского он полюбил ещё на первом курсе за близкий ему психологизм, а эту книгу купил на днях в центральном книжном магазине, отстояв полчаса в очереди. В чтении он был гурманом, методично следовавшим своей давно составленной программе – увы, совершенно нереальной из-за фактического отсутствия большинства книг. Причём их не было не только в книжных магазинах, но и в городских библиотеках. В прошлом году его даже вызывал на ковёр начальник экспедиции из-за доноса, поступившего из одной библиотеки, в которой он требовал книгу Оруэлла «1984». Ему тогда и в самом деле казалось странным, что в 1984-м году у него нет никакой возможности прочитать одноимённый роман.

Погрузившись в далёкий и непонятный каторжный мир, Захар совершенно забыл о своих собственных переживаниях, но когда до конца оставалось всего несколько страниц, из кухни раздался громкий крик:

- Захар! Иди сюда!
- Чего тебе?
- Иди-иди! Дело есть.

Пришлось отложить книгу в сторону и выйти на кухню. Проснувшийся Фёдор стоял у стола с открытой бутылкой

водки в руках. Наполнив две стопки, он протянул одну Захару.

– На, ботаник, выпей!

– Просто так, что ли? За что?

– За то, чтобы наши дети не цеплялись за трамваи и не кидались с топором на трактор!

– Федя, – поморщился Захар, – ты же знаешь, что я водку не пью!

Это была сушая правда. В первые студенческие годы они почти не просыхали, но на четвёртом курсе Захар перестал и пить, и курить. Он обнаружил, что гораздо приятнее включать интеллект и разруливать любую, даже самую сложную ситуацию, на трезвую голову. Таким неофитом-трезвенником он и приехал в Бурятию, и только после запутанной истории с Алиной стал позволять себе небольшие послабления.

– А мне плевать! Кончай набрасывать говно на вентилятор. Ты меня уважаешь?

Фёдор выпил, не закусывая, положил пустую стопку на стол и вплотную подошёл к Захару.

– Ты, студент, довыёбываешься. Интеллигент сраный. Тут тебе не Москва, а Сибирь. У нас все пьют водку. Понял?

Он быстро размахнулся и сильно ударил Захара кулаком в челюсть. Тот отлетел к столу. В глаза бросился кухонный нож. Захар молниеносно схватил его, развернулся и заорал прямо в смеющиеся глаза Фёдора:

– Убью, придурок!

– Ой-ё-ёй, какие мы смелые! Ладно, Захарка, иди отсель. Я буду ужинать. Не обижайся!

Книга так и осталась недочитанной. До полуночи Захар тупо, не понимая сути происходящего, смотрел телевизор. Сначала на экране сменяли друг друга образцовые токари и животноводы, потом «Весёлые ребята» с энтузиазмом и даже радостно, без тени грусти, восклицали: «Не могу без тебя, не могу без тебя, что же это такое?». После «Времени» началась третья серия фильма про цыгана Будулая. А в это время в соседней комнате храпела реальная жизнь.

В субботу утром Захар достал из шкафа станок и тщательно побрился перед карманным зеркалом, приклеенным к линолеуму над пожелтевшей раковиной. Побрызгавшись любимым одеколоном «Саша», он оделся и отправился на свадьбу к Никите Уварову. Не каждый день женятся лучшие друзья. Кто знает, может Никите повезёт с женским полом? В районе универмага «Юбилейный», изрядно поплутав, Захар нашёл нужный дом и поднялся на второй этаж. Дверь открыл сухопарый пожилой мужчина с медальными планками на стареньком пиджаке. Из глубины квартиры на лестничную площадку донёсся хрипловатый голос Вилли Токарева, со знанием дела певшего блатную песню про шумный балаган.

– Проходите, проходите, молодой человек!

Но мужичка уже отодвинул в сторону сам улыбающийся Никита:

– Захар, ну наконец-то! А я уж думал, ты не придёшь. Бросай, паря, свой тулуп на табуретку, вешалки все заняты. Вот, знакомься, это моя супружница!

Он подозвал к себе полненькую румяную девушку в белом платье, но та нетерпеливо отмахнулась:

– Да погоди ты, у меня котлеты горят!

Захар осмотрелся. В однокомнатной квартире за сдвинутыми столами, не обращая на него никакого внимания, сидели и оживлённо разговаривали человек десять гостей, из которых он узнал лишь Сергея Ропшина – инженера-геодезиста лет тридцати, рослого крепыша, в прошлом боксёра. Или бывших боксёров не бывает? Они закончили один и тот же московский институт, только в разное время. Серёга сидел, набычившись, и с нескрываемой неприязнью смотрел на двух крепко выпивших быдловатых мужичков, расположившихся напротив и похабно обсуждавших какую-то Марусю. Три девушки, устроившись рядком на диване, разглядывали дембельский фотоальбом Никиты и то и дело прыскали со смеху. Тем временем жених принёс из кухни стул, усадил Захара рядом с ветераном с медальными планками и налил им по бокалу красного вина.

– Горько! – нерешительно произнёс ветеран.

– Горько! Горько! – оживились гости и, дождавшись прихода невесты, начали хором считать: «Раз, два... десять, двадцать... Ура!». По второму кругу разнесли закуски. Скромная, под магнитофон, гулянка шла по своим вековым писа-

ным и неписанным правилам, без особых затей, но и без излишеств вроде вспомнившегося Захару умыкания невесты на его собственной свадьбе, её долгих поисков, фальшивого выкупа и мерзкого питья шампанского из несвежей тифельки.

Ветеран оказался Никитиным тестем, приехавшим из-под Кяхты вместе с женой, большую часть времени хлопотавшей на кухне.

– Как там столица? – участливо спросил он Захара после очередного тоста. – Меня ведь под Москвой контузило в сорок первом. А про вас Никита рассказывал.

– Ну что столица? Там одна жизнь, а здесь другая... День и ночь!

– Так разве эти две жизни не взаимосвязаны? Вы вот там отучились, а теперь здесь работаете. Внедряете, так сказать. А ведь наше образование не в пример американскому! И коммунизм мы всё равно построим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.